

О ЛИКВИДАЦИИ ФЕОДАЛОВ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В МОНГОЛИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1921 г.

© 2023

С. А. Кузьмин¹

До революции 1921 г. Внешняя Монголия была феодально-теократическим государством. В результате революции к власти там пришла Монгольская народная партия (МНП), действовавшая при направляющем влиянии руководства ВКП(б) и Коминтерна. На основе российских и монгольских архивных документов в данной статье анализируются меры по ликвидации феодалов как социальной группы в Монголии после революции 1921 г. Мероприятия по ослаблению влияния феодалов начались сразу по приходе к власти МНП летом 1921 г., но в первые годы они носили постепенный характер. МНП, переименованная в Монгольскую народно-революционную партию (МНРП), ускорила реформирование страны после кончины теократического монарха Монголии — Богдо-гэгэна VIII 20 мая 1924 г. Страна была объявлена Монгольской народной республикой (МНР), реформирование ее было направлено на переход к строительству социализма. Феодалы лишались административных и судебных функций, была ликвидирована законодательная основа их власти. В период «левого уклона» (1929–1932) давление усилилось, имущество феодалов конфисковалось, не только они, но и их родственники лишались некоторых гражданских прав. Массовое недовольство населения ликвидацией традиционализма и религии, методами строительства нового общества привело к резкому увеличению числа восстаний. Во время крупнейшего восстания 1932 г. в некоторых районах повстанцам ненадолго удалось восстановить отдельные феодальные структуры. Через несколько лет после победы над повстанцами и проведения «нового курса» в МНР начались массовые репрессии по сталинскому образцу, достигшие кульминации в 1937 г. Ламы и бывшие феодалы (в особенности высшие) стали одним из их главных объектов, хотя к тому времени уже потеряли власть и ее материальную базу.

Ключевые слова: Монголия, МНР, социальные системы, феодалы, ламы, теократия, социализм, МНП, МНРП

Для цитирования: Кузьмин С. А. О ликвидации феодалов как социальной группы в Монголии после революции 1921 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 72–85. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-072-085

ON THE ELIMINATION OF FEUDAL LORDS AS A SOCIAL GROUP IN MONGOLIA AFTER THE REVOLUTION OF 1921

Sergius L. Kuzmin

---

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

Before the Revolution of 1921, Outer Mongolia was a feudal-theocratic state. As a result of revolution, the Mongolian People's Party (MPP) came to power in Outer Mongolia. The party acted under guiding influence of the Bolsheviks' and Comintern' leadership. This paper analyzes measures of the elimination of feudal lords as a social group in Mongolia after the revolution of 1921. Russian and Mongolian archival documents were examined. Measures to weaken the influence of feudal lords began immediately after the MPP came to power in the summer of 1921, but in the early years they were gradual. The MPP, renamed to the Mongolian People's Revolutionary Party (MPRP), accelerated the reforms in the country after the death of the Mongolian theocratic monarch, the 8th Bogd Gegeen, on May 20, 1924. The country was proclaimed Mongolian People's Republic (MPR), the reforms were directed towards the transition to socialism. Feudal lords were deprived of administrative and judicial functions, the legislative basis of their power was eliminated. During the period of the "left deviation" (1929–1932), the pressure intensified, property of feudal lords was confiscated; not only they but also their relatives were deprived of some civil rights. Mass people's discontent with the elimination of traditionalism and religion, methods of building the new society led to a sharp increase in the number of uprisings. During the largest rebellion of 1932, in some areas the rebels briefly managed to restore few feudal structures. Some years after the victory over the rebels in Mongolia, mass repressions began there on the Stalinist model, culminated in 1937. Lamas and former feudal lords (especially the higher ones) became one of the main targets, although by that time they had already lost power and its material base.

Keywords: Mongolia, MPR, social systems, feudal lords, lamas, theocracy, socialism, MPP, MPRP

For citation: Kuzmin S. L. On the elimination of feudal lords as a social group in Mongolia after the revolution of 1921. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 72–85. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-072-085

В 1921 г. во Внешней Монголии произошла революция, результатом которой стал переход от феодализма к социализму, минуя капитализм (если использовать формационную терминологию). Поскольку в отечественной литературе процесс ликвидации монгольских феодалов как социальной группы описан лишь в общих чертах (например, [История... , 1983]), представляет интерес его анализ. Основными источниками информации для этого являются монгольские и российские архивные документы. Важно отметить, что духовенство Монголии, в том числе высшие ламы, составляло отдельную социальную группу, и ее отнесение к феодалам неверно [Кузьмин, 2018а, с. 23–30]. В связи с этим в данной работе духовенство специально рассматриваться не будет.

После возникновения Китайской республики в 1912 г. Внешняя Монголия смогла добиться независимости и затем сохранить ее с помощью СССР. Остальные монгольские территории были оккупированы Китаем, не сумели воссоединиться с Монгольским государством, и траектории их дальнейшего развития сильно разошлись. В связи с этим в данной статье я рассматриваю лишь Внешнюю Монголию, позже переименованную в Монгольскую народную республику (МНР), ныне именующуюся государством Монголия.

В период существования маньчжурской империи Цин Внешняя Монголия находилась под феодальной властью. Высшие феодалы (нойоны) владели землей на правах вассалов цинского императора [Кузьмин, 2019, с. 39–54]. Их титулы были следующие (в нисходящем порядке): 1) чин-ван; 2) джун-ван; 3) бэйлэ; 4) бэйсэ; 5) тушэ-гун; 6) туслагч-гун. Шесть владельцев уделов носили титул хана: халхаские Тушэту-хан, Дзасакту-хан, Сэцэн-хан (Цэцэн-хан) и Сайн-нойон-хан, дэрбэтский Далай-хан и торгутский Унэн-Дзоригту-хан. Некоторые представители знати не имели титулов и назывались дзасак (монг. засаг) — владелец хошуна (удела). Феодалы, находившиеся на низших ступенях иерархии и не имевшие уделов или одного из приведенных шести титулов, именовались тайджи (монг. тайж) — дворянин с разделением на четыре степени.

В этот период влияние феодалов падало, буддийского духовенства — усиливалось. Ханы монгольских аймаков, хотя сохраняли титул, фактически стали обычными владельческими нойонами, а молодые аристократы в большинстве политикой не интересовались, предпочитая спокойную жизнь [Баранов, 1905, с. 14–16; Larson, 1930, p. 34]. Падение влияния феодалов было связано с проводившейся маньчжурской администрацией политикой их разделения, дробления Монголии на все большее число уделов, ростом зависимости феодалов от имперского центра. Ко времени коллапса империи Цин буддийское духовенство Монголии было уже не только влиятельнее феодалов, но и становилось центром консолидации монголов.

После провозглашения независимости от империи Цин и Китая в декабре 1911 г. во Внешней Монголии указанная выше система титулов сохранилась, но великим ханом (Богдо-ханом) государства стал Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII — глава ее буддийской церкви. Земля в теократической Монголии считалась общественной собственностью, однако ее фактическими распорядителями были Богдо-гэгэн, высшие ламы и князья [Майский, 1959, с. 119]. Следует отметить, что монгольскими князьями в отечественной литературе принято называть владельцев феодалов, хотя сам термин не имеет четкой привязки к конкретным титулам феодальной иерархии, приведенной выше.

В 1918 г. в теократической Внешней Монголии была проведена перепись. Ее результаты удалось получить экспедиции И. М. Майского, посетившей страну в 1919 г. По его данным, численность монголов составляла 542504 чел., из них феодалов («дворян и князей») — 5,7% [Майский, 1921, с. 27–29]. Известно, что данные этой переписи искажались из экономических соображений. Но очевидно, что феодалы составляли меньшинство, существенно уступая духовенству и простому народу (аратам).

Влияние духовенства продолжало усиливаться до самой революции 1921 г., в результате которой к власти пришла Монгольская народная партия (МНП, позже переименованная в Монгольскую народно-революционную партию — МНРП, затем — вновь в МНП).

Кружки, давшие начало МНП, изначально были созданы в монгольской столице Нийслэл-хурэ (которую европейцы называли Ургой) для изгнания китайских оккупантов, захвативших власть в автономной Внешней Монголии в 1919 г., но быстро перешли под влияние пробольшевистских сил. Уже 29 августа 1920 г., в период пребывания в РСФСР делегации монгольских революционеров, они под влиянием советских представителей написали документ, в котором, в частности, говорилось о планах «уничтожить наследственность князей, одновременно ведя усиление работы по популяризации народно-революционных идей в массах с распространением среди них европейской культуры и тем самым подготавливая почву для своего наступления для окончательного слома существующего порядка» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 2–4об.].

В дальнейшем МНП/МНРП в своей деятельности руководствовалась рекомендациями Коминтерна и ЦК РКП(б), позже — ВКП(б). Уже на совещании монгольских делегатов 1–3 марта 1921 г. в приграничном с Монголией Троицкосавске в доме О. И. Макстенека (главы Кяхтинского консульства РСФСР в Дальневосточной республике), которое в 1924 г. было объявлено I учредительным съездом МНП, в утвержденной партийной платформе содержался пункт о том, что партия будет ликвидировать «традиции, обычаи и институты», которые являются «совершенно бесполезными... отжившими и вредными» [Рошин, 1999, с. 36].

Мероприятия по ослаблению власти феодалов начались почти сразу по приходе МНП к власти летом 1921 г. В октябре министрам монгольского правительства разрешили приходить на службу в обычных монгольских халатах, а ношение перьев на шапках (знаков отличия), начиная от князей и кончая их слугами, было отменено. По-видимому, в связи с этим 29 октября

1921 г. Богдо-хан издал указ о восстановлении парадной формы чиновников. Но 12 ноября ношение знаков различия в виде шариков на шапках и княжеских знаков почета вновь отменили [МУУТА, 1–1–1 — в кн.: Революционные мероприятия..., 1960, с. 97–99]. Это было призвано сыграть важную психологическую роль, если учесть большое значение церемониала при монархии.

Незадолго до этого, 1 ноября 1921 г., новое правительство Монголии приняло так называемый «Клятвенный договор», который лишил Богдо-хана светской власти. Этот договор называли «так сказать, первым конституционным актом в истории Монголии» [Монгольское законодательство..., 1928, с. IV], что неверно: это был односторонний документ правительства МНП, который лишь ограничивал власть Богдо-хана в ее пользу. Экземпляр с подписью или печатью Богдо-хана неизвестен. Нет доказательств того, что он был санкционирован Богдо-ханом. Кроме того, конституция определяет основы политической, правовой и экономической систем государства. «Клятвенный договор» не соответствует этим критериям [Кузьмин, 2015, с. 195].

В 1923 г. правительство издало постановление «О дзасаках и служилых князьях». Оно сыграло важную роль в ликвидации их наследственной власти, имеет важное значение для дальнейшего развития политики в отношении феодалов и пока не введено в научный оборот, в связи с чем его стоит привести полностью.

«Постановление Народного Правительства Монголии о дзасаках и служилых князьях».

Враги монгольского народа, монгольской государственности и желтой религии² до сего времени распространяют заведомо лживые сведения о том, что якобы Народное Правительство имеет своей целью уничтожение института княжества. Между тем прошел почти целый год со дня установления Народного Правительства в Монголии, и никто не знает, что тот или иной князь подвергался несправедливым гонениям и был лишен княжеского звания без всякого основания. Но зато всем известно, что некоторые князья, запятнавшие свое сословие гнусной изменой своей родине или уличенные несколько раз в беспутстве, пьянстве, присвоении казенных денег и угнетении подвластного им населения, были лишены хошунов и подвергнуты наказаниям, и что все остальные князья, которые не прерывали свою верную службу государству, до сих пор продолжают оставаться в своих хошунах на прежних основаниях; причем некоторых из этих князей, выявивших себя добрыми патриотами и преданными новому государственному строю и Богдо-хагану, правительство отличило и призвало на ответственные посты, как, например, Цэцэн-хана, Хатан-Батор-вана, Ёст-бэйлэ и др. Иначе и не могло быть, ибо Народное Правительство, как и Народная Партия, по существу своего основного суртала³ относится ко всем, и в том числе к княжеству, по справедливости: беспутных наказывает, а добрых одобряет и награждает. Кроме того, Народное Правительство, хотя и объявило, что будет проводить в народно-государственную жизнь новые начала взамен старых, но, тем не менее, оно не считало и не считает, что все старое вредно, а все новое — полезно, а засим оно также не думает забывать старые заслуги тех или иных лиц и слоев населения перед монгольским народом и государством, в частности, заслуги великого Чингис-хагана и некоторых его достойных потомков перед всеми монгольскими племенами. Но, с другой стороны, все должны согласиться, в том числе и монгольские князья, с тем, что, когда весь государственный строй Монголии перестраивается на новых началах народовластия и народоправия и когда во главе нашего государства

---

² Тибетский буддизм школы Гэлуг, преобладающий в Монголии.

³ Очевидно, монг. сургаал — учение.

стоит конституционный монарх⁴, положение хошунных дзасаков не может оставаться в прежнем виде без всяких изменений в духе нового государственного строя Монголии.

Народное Правительство Монголии, руководствуясь указанными выше указаниями и соображениями пользы народных масс и государства, постановило руководствоваться на будущее время по отношению дзасаков и служилых князей нижеследующими положениями:

1. Все хошунные дзасаки Халхи и Кобдоского округа утверждаются настоящим актом в занимаемых ныне должностях хошунных дзасаков и должны впредь именоваться в официальных актах, отношениях и т. п. «дзасак-даруга⁵». Причем в целях возвеличения достойных и устранения беспутных населению хошунов предоставляется право избрания новых дзасаков-даруг, если лица, занимающие ныне должности дзасаков-даруг, по мнению населения, не соответствуют своему назначению.

2. Хошунные дзасаки-даруги и служилые князья привлекаются к отнесению больших и малых государственных должностей наравне с лицами других состояний, сообразно их знаниям и служебному опыту.

3. Дзасаки-даруги, уличенные в угнетении и эксплуатации населения своих хошунов, позорящем образе жизни, взяточничестве, воровстве, подлоге, грабеже, разбое, учинении вреда религии, принципиальном порицании существующего государственного строя и измене, кроме лишения должности дзасака-даруги, подвергаются по суду положенным наказаниям.

4. Дзасаки-даруги, добровольно сложившие свою должность, переходят в разряд служилых потомственных князей, и им даруется по представлению Правительства повышение на одну степень.

5. В случае смерти дзасака-даруги или в случаях, указанных в статьях 1, 3 и 4, его заместитель избирается Народным Собранием соответствующего хошуна и утверждается Правительством.

6. В случаях, указанных в статьях 3 и 4, вместо устраненного или устранившегося дзасака-даруги, а также в случае прекращения рода умершего дзасака-даруги, по прямой линии избирается народный даруга, который пользуется одинаковыми правами с дзасаком-даругой и также утверждается правительством.

Примечание. В случае, указанном в статье 1 настоящего акта, избрание дзасака-даруги или народного даруги предоставляется усмотрению хошунного Народного Собрания.

7. [В] хошунные дзасаки-даруги и народные даруги избираются лица совершеннолетние, вполне грамотные, преданные народным интересам и опытные в делах управления.

Примечание. Так как государственными делами должны вестись лишь люди вполне зрелые, справедливые и надлежащим образом подготовленные, то поэтому для лиц, избираемых в дзасаки-даруги или народные даруги, звание тайджи или состояние в прямом родстве с его предшественником совершенно необязательно.

8. Старшие сыновья дзасаков-даруг по смерти их вне зависимости от избрания или неизбрания их на должность дзасаков-даруг, а также старшие сыновья служилых потомственных князей наследуют титулы своих родителей; настоящая статья не распространяется на случаи, указанные в статье 3-й настоящего акта.

9. Хошунные дзасаки-даруги и народные даруги в силу основных принципов народного государства не имеют права разрешать подведомственные им дела единоличной властью; такие дела разрешаются на хошунных Народных Собраниях или на заседаниях чинов хошунного

⁴ Имеется в виду Богдо-хан, ограниченный во власти «Клятвенным договором».

⁵ Монг. дарга (даруга) — начальник, председатель.

управления по большинству голосов, причем на заседании чинов хошунного управления председательствует дзасак-даруга или народный даруга.

Примечание. Подробные указания, в пределах власти и прав хошунных Народных Собраний, хошунных управлений и дзасаков-даруг и народных даруг будут даны в законе о местном самоуправлении.

10. Служебные и прочие проступки и преступления дзасаков-даруг и народных даруг в силу важности занимаемого ими поста подлежат ведению Шухе Ямона⁶, а служилые князья и тайджи судятся на общих с аратами основаниях, смотря по важности преступления, в хошунных и вышестоящих судах.

11. В отношении отбывания наказания за преступные деяния и выполнения государственных и местных податей и повинностей дзасаки-даруги, служилые князья и тайджи никакими особыми преимуществами и привилегиями не пользуются» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18, л. 24–25].

Это постановление было вызвано тем, что на местах власть МНП оставалась слабой. Например, в западном Кобдоском округе уполномоченным сайдом (министром, заместителем) правительства и командующим войсками был феодал Гомбо-Идшин-гун, его советниками — Джамбал-гун (помощник сайда) и советский бурят С. А. Шойжелов (Нацов) [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18, л. 5–6об.]. Даже в северных районах Монголии под управлением уполномоченного МНП в п. Алтан-Булак реальная власть была у хошунных князей, которые были почти самостоятельны. В их руках находились ключевые вопросы: сдача земель в аренду, сбор налогов и арендной платы [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 39]. Для МНП было опасным резкое смещение властных элит на местах. Поэтому партия придерживалась курса на постепенное замещение их своими представителями.

Вместе с тем приведенное выше постановление утверждало существенные ограничения возможностей феодалов: теперь их власть определялась не происхождением или назначением, а избранием населением, причем правителем хошуна мог быть избран и незнатный человек; теперь не монарх (Богдо-хан), а контролируемое МНП правительство имело прерогативу повышения феодальной степени.

7 марта 1924 г. правительство приняло решение «приступить к выборам председателей хошунов, не дожидаясь совершеннолетия княжеских детей». Согласно решению МВД и ЦК МНП, занять должность председателя хошуна наследник хошунного князя теперь мог при достижении совершеннолетия «только при наличии вакансии и при условии избрания его хошунным хуралом на эту должность, причем обязательно с ведома МВД» [МУУТА, 4–4–4 — цит. по: Революционные мероприятия..., 1960, с. 74–75]. Это было дальнейшее усложнение наследования власти. Весной того же 1924 г. были переименованы все аймаки и хошуны [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 63–92], ранее называвшиеся по личным титулам их правителей. Затем их число и границы неоднократно менялись. Так было упразднено старое административно-территориальное деление страны по феодальным уделам.

После кончины Богдо-хана 20 мая 1924 г. МНП, переименованная в МНРП, ускорила реформирование страны. В том же году под влиянием большевиков Монголия была провозглашена народной республикой (МНР), столица переименована в Улан-Батор-хото («город Красного Богатыря»).

Феодалы стали все чаще отказываться от титулов. По-видимому, первым это сделал еще в апреле 1921 г. Сумъяа-бэйсэ [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 8]. В 1924 г. от своего титула отказался Цэцэн-хан, затем — Хатан-Батор-ван Максаржав (титул которого теперь стал «Ардын

⁶ Монг. шүүх яам — министерство юстиции.

[народный] Хатан-Батор»), затем — туслагч-гун премьер-министр Б. Цэрэндорж. Эти люди занимали высокие посты в богдоханской административной системе, а затем перешли на сторону МНП.

Б. Цэрэндорж свой отказ от титула сопроводил покаянным письмом. Это примечательное письмо, выдержанное в старом стиле самоуничтожения, следует привести полностью вместе с комментарием, написанным, очевидно, заведующим информационным отделом полпреда РСФСР в Улан-Баторе.

«Кающиеся дворяне (письмо Цэрэн-Дорчжи)»

Непрекращающийся, хотя и очень медленный, процесс выветривания феодализма в Монголии за последнее время принял оригинальную форму: некоторые князья стали добровольно отказываться от своих привилегий. Правда, привилегии эти носят главным образом внешний формальный характер, но, если иметь в виду консерватизм психики монгола, привитый ему китайским мандарином пиетет ко всему, что носит звание «благородства» и «почета», то наблюдающийся сдвиг довольно симптоматичен.

Первым отказался от своего ханского звания, от звания владетельного князя, и даже от должности министра внутренних дел прямой потомок Чингис-хана — Цэцэн-хан, глава одного из 4-х аймаков, на которые делится Внешняя Монголия.

За Цэцэн-ханом отказался от своего княжеского звания военный министр Хатан-Батор-ван. Последний заявил, что при установившихся в стране демократических порядках всякого рода дворянские звания являются вредным пережитком. Любопытно, что свое заявление военный министр Хатан-Батор-ван сделал после того, как вернулся (из первой в своей жизни) поездки в Верхнеудинск и Читу, — советско-европейские порядки, начиная с жел[езно]дор[ожного] сообщения и кончая организацией Красн[ой] армии — вообще произвели на него огромное впечатление.

Почти одновременно с Хатан-Батор-ваном выразил готовность отказаться от дворянского звания председатель Совета Министров Цэрэн-Дорчжи, самый крупный государственный работник страны. По происхождению середняк, почти плебей, Цэрэн-Дорчжи своим умом и работоспособностью добился самого ответственного поста в государстве. Несмотря на старческий возраст и консерватизм, Цэрэн-Дорчжи, несколько спотыкаясь, все же идет нога в ногу с молодой Монголией.

Ниже приводим перевод письма его в ЦК Монгольской Народной Партии. В этом письме председатель Совета Министров мотивирует свой отказ от княжеского звания «тусалакчи-гуна».

Я происхожу из среды аратов (простолюдинов), находился в среде шабинаров⁷ Богдо-хутхты. С малых лет я служил в разных должностях по гражданскому ведомству. Во время тройных переговоров в Кяхте (России, Китая и Монголии) я состоял в качестве помощника при полномочном представителе Автономной Монголии, за что по докладу председателя Совета Министров был награжден званием потомственного тусалакчи-гуна, с грамотой на шелку и с приложением печати Богдо-хана.

---

⁷ Шабинары (монг. шавь нар) — духовные ученики лам, неверно именовавшиеся «крепостными духовных феодалов» (подробнее см.: [Кузьмин, 2018а, с. 23–30]).

После уничтожения внутренних и внешних хархисов⁸ (черносотенцев) и империалистов, после организации конституционного Народного Правительства княжеские достоинства не только не были уничтожены, но, наоборот, постановлением возглавляемого мною Народного Правительства в прошлом году были даже подтверждены.

Я от рождения не обладал особенными способностями и, кроме того, воспитан в провинциальном духе. К тому же в последние годы, благодаря старческому моему возрасту, затмились у меня умственные способности, вот почему я мало уделял [внимания] духу времени, который царит теперь на земном шаре.

Между тем, в настоящее время отказ Цэцэн-хана Наваннэрэна от звания хана и от звания хошунного правителя послужил толчком к тому, что[бы] обсудить свое положение.

Цэцэн-хан является прямым потомком Чингис-хана и вторым крупным ханом во всей Халхе, поэтому поступок его заслуживает одобрения. В настоящее время княжеские и потомственные звания осуждены всеми народами мира.

Звания эти особенно не соответствуют принципам Монгольского Народного Правительства, они служат для монголов лишь большим тормозом к использованию полученной свободы.

Мне стыдно перед народом за то, что я до сего времени не расстался еще со своим званием. Теперь же я пользуюсь настоящим счастливым моментом и с удовольствием отказываюсь от звания потомственного «тусалакчи-гуна». При сем препровожаю свою шелковую грамоту.

Председатель Совета Министров Цэрэн-Дорчжи» [АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 5, д. 11, пор. № 11, папка 108, л. 54–56; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 117а-119].

Ко времени I Великого народного хурала (ноябрь 1924 г.) сложили титулы ванов, гунов и тайджи еще 69 чел. [Новая Монголия, 1925, с. XIV]. На заседании Хурала 26 ноября 1924 г. была принята Конституция. В ней речь шла уже не о добровольном, а о принудительном сложении титулов. В гл. 1, ст. 3.13 говорилось, что «отменяются звания ванов, гунов и тайджи», в гл. 3, ст. 35.3 — что «не избирают и не могут быть избраны... бывшие князья» [Монгольское законодательство..., 1960, с. 2–11]. Это означало законодательное закрепление поражения в гражданских правах по принципу социального происхождения.

В ноябре 1924 г. заведующий информационным отделом полпредства РСФСР в монгольской столице И. И. Генкин (В. Г. Дадияни) отмечал в «Бюллетене полпредства», что из двух устоев старого монгольского быта «ламаизм»⁹ еще крепко владеет умами населения, но этого уже не скажешь «про власть феодалов, ханов и князей»: они лишены административных и судебных функций, права иметь крепостных, взимать барщину, бесконтрольно распоряжаться местной казной и т. д. Теперь устраняется юридическая подоплека их власти. «Владетельный князь Дзасактуханского аймака — злостный реакционер и непримиримый противник демократических преобразований — заменен при выборах в хошунное управление простым аратом, т. е. простолюдином. Точно так же наследственный председатель Сайннйонханского хошунного управления, родовитый князь, сменен теперь и на его место избран простой смертный. Из двух остальных ханов один — Сэцэн-хан сочувствует, так или иначе, в той или иной степени, новым порядкам и даже состоит министром внутренних дел теперешнего правительства. Остается последний — четвертый владетельный князь Тушэту-хан, но и его судьба висит на волоске.

⁸ Монг. харгис — жестокий; при власти МНП слово стало получать новые, заемные значения: «феодал», «реакционер» и даже «черносотенец».

⁹ Неверный с точки зрения религиоведения термин, в прошлом применявшийся к тибетскому буддизму.

Всего «ликвидировано» в этом смысле, т. е. в смысле лишения их прежних прав и привилегий, 10 князей, среди них два хана» [АВПРФ, ф. Резидентура по Монголии, оп. 7, пор. № 11, папка 2, л. 293–295].

Упразднение власти феодалов в разных районах шло неравномерно. Согласно справке «Краткий очерк современного положения степной Монголии», составленной В. А. Козакевичем 10 февраля 1925 г., «феодалы Тушэтуванского хошуна держат в сильной экономической зависимости население, будучи богаты скотом. Но и на западе и юго-западе правителями хошунов часто являются старые чиновники (хошуны Дажонон-ван, Тушэту-ван), но мелкие общественные единицы носят более революционный характер. В Кобдо Далай-хан дербетов, после упорного сопротивления, был заменен молодым олетом Ахамсурэном. Ячейки Партии и Ревсомола лучше представлены на севере и западе. Но в ряде хошунов Монголии нет партийных (хошун Мэргэн-вана, Ёст-бэйсэ, Эрдэнэ-Пандита-хутухты). В хошуне Тушэту-вана есть партячейка из 17 чел., большинство — феодалы и старые чиновники. На западе больше ячеек, партработа в разгаре: там было меньше дворянства» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 1–28].

Большое значение имело «Положение о выборах в Великий народный хурал МНР», принятое в начале 1925 г. Согласно гл. 1, ст. 3 (3), бывшие князья лишались избирательного права наряду с душевнобольными, преступниками и т. п. [Монгольское законодательство..., 1960, с. 21] во исполнение Конституции МНР.

В целом основными мерами против феодалов в 1925 г. были «освобождение крепостных», дальнейшее ограничение прав феодалов — административных и судебных функций, права «барщины», распоряжения местной казной и т. д., лишение их титулов. 29 октября 1926 г. вышел циркуляр правительства № 1156, разъяснявший его отношение к феодалам и ламам. В нем сказано, что были «уничтожены титулы вана, гуна и тайджи и связанные с ними особые привилегии <...> бывшие ваны, гуны и тайджи, хотя очень недовольны создавшимся для них положением <...> вполне поняли и освоились с создавшимся новым положением», некоторые из них входят в МНРП и правительство, работают добросовестно. Их поведение нет нужды обсуждать» [Монгольское законодательство..., 1960, с. 43–44]. Тем не менее, согласно материалам VI съезда МНРП (22 сентября — 4 октября 1927 г.), из 162 делегатов там было лишь 9 бывших тайджи и 1 лама, не было ни одного теократа и крупного феодала [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 51, л. 2–4].

В период 1929–1932 гг. МНРП под руководством Коминтерна и ВКП(б) стала форсированно строить социализм. Этот курс после его отмены назвали «левым уклоном». Незадолго до его начала представители монгольских властей стали получать инструкции о том, что в МНРП наблюдается «правый уклон» и это следует исправить. Например, 26 января 1928 г. член политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин направил письмо председателю ЦК МНРП Ц. Дамбадоржу, в котором говорилось, что главная опасность для МНРП — правая, необходимо решительно выдвигать на руководящие посты представителей сельской местности с левыми взглядами — «худонцев» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 62, л. 3–9]. В мае 1928 г. Ц. Дамбадорж прибыл в Москву и выступил в Восточном отделе исполкома Коминтерна (ИККИ). Он подчеркнул, что в партии нет никаких уклонов. Но ИККИ ознакомил его с проектом резолюции из 52 пунктов о принудительном отчуждении части скота лам и феодалов, борьбе с высшими ламами. Дамбадорж отказался принять ее, президиум ЦК МНРП одобрил это [Дашдаваа, 2011, с. 50]. 13 сентября политбюро ЦК ВКП(б) решило пересмотреть прежние формы связи МНРП с Коминтерном, прислать делегацию ИККИ на съезд МНРП, чтобы обследовать положение дел на месте и поддержать «худонцев» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 704, л. 4]. Во исполнение этого 14 сентября 1928 г. политсекретариат ИККИ принял резолюцию, в которой отмечалось, что руководство

МНРП склоняется на сторону капитализма и препятствует борьбе с буржуазными и феодальными тенденциями в МНР [Дашдаваа, 2011, с. 50].

Для участия в работе VII съезда МНРП в Улан-Батор прибыла делегация Коминтерна, которая сразу занялась там кадровыми вопросами и приняла участие в разработке «Платформы членов левого крыла партии» [Дашдаваа, 2011, с. 50] — «худонской оппозиции». Одним из главных положений ее была очистка страны от остатков «черных и желтых харгисов» и правых групп, уничтожение эксплуатации трудящихся со стороны феодалов и богатых лам [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 5–12] — которой, однако, в действительности не было. «Реакционные желтые и черные феодалы», по мнению Коминтерна, были главной внутренней опасностью.

VII съезд МНРП (23 октября — 10 декабря 1928 г.) и последовавший за ним V Великий народный хурал (14 декабря 1928–23 января 1929 г.) приняли директивы о чистке госаппарата от «социально чуждых» элементов и частичной конфискации имущества феодалов. Во исполнение директив о «чистке» 13 марта 1929 г. появилась «Инструкция о приеме новых членов МНРП». В ней классовый подход распространился не только на бывших феодалов, но и на их родственников: «Прекратить прием в партию детей и жен бывших главарей хошунов; князей, имевших крепостных; низших дворян, относящихся к средней и высшей группе по имуществу». Не принимать усыновленных аратами детей князей и дворян, не успевших получить воспитание у аратов. Жен и детей князей и дворян, не имевших феодальных владений и не занимавших административные посты, но имевших заслуги до или после революции — принимать [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 90, л. 12].

В мае 1929 г. на совместном заседании ЦК МНРП, ЦКК и ЦК Ревсомола большинство высказалось за прямую экспроприацию скота у крупных хозяйств: она должна была коснуться в основном хозяйств бывших феодалов и индивидуальных хозяйств богатых лам. Были разработаны секретный проект и план конфискации. Президиум Малого хурала и правительство приняли совместное постановление о конфискации; в сентябре 1929 г. был разработан детальный регламент оценки имущества. В ЦК МНРП поступали подробные сведения о ходе конфискации [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 11, 34–41; д. 92, л. 82–97, 112–118, д. 118, л. 33]. Прежде всего она проводилась у тех, кто участвовал в выступлениях против новой власти¹⁰.

Конфискация служила материальной основой для создания общественных хозяйств. Однако сами бывшие владельцы в эти хозяйства вступить не могли. «Правила о приеме и исключении членов колхоза» не разрешали принимать туда бывших феодалов, тайджи, крупных чиновников монархического времени, торговцев, монастырских лам, богачей и другие «эксплуататорские элементы» — наряду с подсудимыми и лицами, осужденными за корыстные и политические преступления [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 116, л. 60].

Китаевед Г. С. Кара-Мурза подготовил «Тезисы о социальных отношениях в Монголии» (датированы 11 февраля 1932 г.). В них он наметил три «линии феодальных противоречий». Ошибочность их выделения связана, прежде всего, с неверным отождествлением высших лам с феодалами, а также с переоценкой внутренних противоречий в монгольском традиционном обществе. Однако такое отождествление было важно для проведения курса партии. По мнению Кара-Мурзы, конфискацией у феодалов закончился процесс распада сословного феодализма, что было важно политически, но экономически дало мало [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 1–57]. Однако

¹⁰ Например, сообщение в ЦК МНРП о конфискации имущества 12 феодалов, участвовавших в контрреволюционном восстании в аймаке Чандмань-уда от 3 февраля 1931 г. [МУУТА, МАН-ын Баримтын Төв, х. 4, д. 4, х. н. 76, тал 4–6].

фактически сословная структура общества была ликвидирована раньше, и в период «левого курса» феодалы уже не имели власти.

«Левый курс» привел к дестабилизации обстановки в МНР, массовым откочевкам за границу, восстаниям. В 1932 г. произошло самое крупное восстание. Повстанцы взяли под контроль значительную территорию на севере и западе МНР, создали свои органы власти, на короткое время восстановили бывший хошун Далай-вана и создали его управление во главе с приемным сыном прежнего дзасака — Жигжидсурэном, а его помощником стал бывший тайджи Удайжав. Высшие посты в повстанческих структурах занимали феодалы. Кроме того, там были ламы и чиновники. Что неудивительно: это были представители самых просвещенных слоев населения страны (потому, кстати, именно их представители преобладали и в руководстве ранней МНП). Вместе с тем среди руководителей повстанцев были араты и государственные служащие [Кузьмин, Оюунчимэг, 2023].

Подавление народного восстания 1932 г. шло параллельно с введением «нового курса» на смену «левому» — с частичным допущением частной собственности и ослаблением давления на церковь. В постановлении чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП в июле 1932 г., принятом согласно указаниям руководства ВКП(б), в частности, говорилось: «Мобилизовать трудящихся на решительную борьбу против к[онтр]-р[еволюционных] феодалов и реакционной верхушки ламства <...> в кратчайший срок подавить восстание, беспощадно уничтожая руководителей и организаторов восстания из феодалов и высшего духовенства» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 133. л. 370об.].

Через несколько лет после этого в МНР из СССР пришел проводившийся там курс массовых политических репрессий. В связи с ожидавшимся нападением Японии на МНР на 27 августа 1937 г. в МНР был запланирован ввод советских войск. Протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1937 г. (№ 637) включал пункт: «Обязать НКВД СССР послать с т. Мироновым группу чекистов для оперативной работы в МНР. Выписки посланы: тт. Ежову — все; Потемкину, Андрееву — 3» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 149]. 24 августа 1937 г. в МНР прибыли высокопоставленные чекисты: М. П. Фриновский — заместитель наркома внутренних дел Н. И. Ежова, руководитель главного управления государственной безопасности НКВД СССР и один из организаторов «большого террора» в СССР, П. А. Смирнов — начальник политического управления Красной армии и С. Н. Миронов — бывший начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю, назначенный полпредом в МНР. 28 августа они передали в МВД МНР «Список лиц из среды центральных и местных руководящих работников, на которых имеются компрометирующие материалы о причастности их к контрреволюционной организации», из 115 человек, датированный 27 августа (публикация списка: [Улс төрийн..., 2008, с. 130–136]). Почти все они обвинялись в шпионаже в пользу Японии. Основным «доказательством» в большинстве случаев служили показания других арестованных. С 10 сентября начались массовые аресты.

19 июля 1938 г. руководитель МНР Х. Чойбалсан, проводивший массовые репрессии в МНР по образцу сталинских, выпустил служебное письмо, в котором заявлял, что остатки феодалов могут поддерживать связи среди детей, родственников врагов народа, остатков белых и иностранных врагов, влиять на военных и политических деятелей Монголии — потому надо провести их чистку и уничтожить [Өлзийбаатар, 2004, с. 240–241]. В связи с этим репрессии, пик которых пришелся на 1937 г., не прекратились и позже. Например, в 1938 г. была арестована Н. Гэнэнпил — за то, что была «ханшей» и поддерживала буддизм. Дело в том, что после кончины 14 января 1923 г. супруги Богдо-хана — Ц. Дондогулам чиновники провозгласили Гэнэнпил его новой женой. Но он, щедро одарив ее, отправил домой. Там она вышла замуж

за земляка, родила троих детей. Ее расстреляли, хотя она была беременной [Сухбаатар, 2011]. Приговор вынесли в сентябре 1938 г. (решение Верховного суда МНР № 110, 28.06.1991 — в кн.: [Kaplonski, 2014, p. 207]).

На VIII Великом народном хурале МНР 22 июня — 5 июля 1940 г. была принята новая Конституция МНР, за образец которой взяли сталинскую Конституцию СССР 1936 г. Чойбалсан в своем докладе на Хурале констатировал, что класс феодалов ушел с исторической сцены [Роцин, 1999, с. 301]. Репрессиям в МНР подверглось 5% населения, или 10,9% мужской части населения. По данным монгольской Государственной комиссии по организации работ по реабилитации [Нарандалай, 2017, с. 22], на 2017 г. реабилитировано 2447 репрессированных служилых аристократов, в том числе 34 дзасака, включая четырех из шести ханов аймаков Внешней Монголии [Батбола, 2017, с. 69–81]. Учитывая, что в Богдо-ханской Монголии был 121 хошун [Lattimore, Isono, 1982, map 2], эти цифры представляются не очень значительными. Но пока точно неизвестно, сколько феодалов и, в частности, дзасаков там было ко времени начала репрессий (не в каждом хошуне мог быть дзасак: некоторые могли умереть, эмигрировать и т. д.). Можно предположить, что эта цифра должна расти в процессе работ по реабилитации.

Итак, придя к власти, МНП/МНРП с самого начала проводила политику неуклонного ограничения традиционализма и религии при направляющем влиянии РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна. Но первоначально она старалась укреплять свою власть политикой «единого фронта» с частью феодалов и лам и в то же время проводила демонтаж старых властных структур. После смерти Богдо-хана Монголии в 1924 г. направленные на строительство социализма реформы ускорились и стали более радикальными, особенно в период «левого уклона» в 1929–1932 гг. К началу «левого уклона» права феодалов были по большей части упразднены, но их традиционная харизма и имущество в основном сохранялись. Неприятие широкими слоями населения ликвидации традиционализма и религии, а также конкретных методов строительства нового общества привели к резкому увеличению числа восстаний и нарастанию их интенсивности, в результате чего в 1932 г. в некоторых местах повстанцы восстановили отдельные феодальные структуры. Через несколько лет после смены «левого курса» на «новый курс» начались массовые репрессии. Главными жертвами их стали ламы, все еще сохранявшие большое влияние на население. Репрессии же против бывших феодалов, которые к тому времени уже не влияли на ситуацию в стране, являлись лишь продолжением ликвидации этого класса общества.

Анализ механизмов трансформаций нескольких монархических систем Внутренней Азии (в Хиве, Бухаре, Монголии и Тибете) в социалистические показал наличие существенных признаков сходства [Кузьмин, 2018б, с. 188–245]. Все они были абсолютными монархиями; были зависимы от России, империи Цин или Китая; общество было традиционным. Революционеры, победившие в России и Китае, руководствовались марксистско-ленинской идеологией и ставили одну цель — построение коммунизма через социализм как его начальную стадию. Поскольку в указанных государствах Внутренней Азии не было сил, способных провести революции, им оказали в этом помощь коммунисты из-за границы. После победы революций и установления прокоммунистической власти власть феодалов там ликвидировалась первой, и лишь затем одним из главных объектов борьбы становилась церковь.

Источники и литература/ Sources and References

- АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, Moscow].
- Баранов. *Монголия. Барга и Халха*. Харбин. 1905 [Baranov. *Mongolia. Barga and Khalkha*. Harbin. 1905 (in Russian)].
- Батболд Н. Угсаа залгамжилсан засаг ноёдыг хэлмэгдүүлсэн асуудал. *Улс төрийн хэлмэгдүүлэлт: шалтгаан, үр дагавар, сургамж*. Улаанбаатар, 2017. С. 69–81 [Batbold N. Issues of repressions against ruling poyons. *Uls turin khelmegduulelt: shaltgan, ur dagavar, surgamj*. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 69–81 (in Mongolian)].
- Дашдаваа Ч. От демократизма к авторитаризму. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2011. № 3. С. 43–56 [Dashdavaa Ch. From democratism to authoritarianism. *Vestnik Buryatskogo Nauchnogo Tsentra SO RAN*. 2011. No. 3. Pp. 43–56 (in Russian)].
- История Монгольской Народной Республики. М., 1983 [History of the Mongolian People's Republic. Moscow, 1983 (in Russian)].
- Кузьмин С. А. Монархическое Монгольское государство в 1911–1924 гг. *Eurasia: statum et legem*. 2015. Т. 1. № 4. С. 187–198 [Kuzmin S. L. The monarchic Mongolian State in 1911–1924. *Eurasia: statum et legem*. 2015. V. 1.No. 4. Pp. 187–198 (in Russian)].
- Кузьмин С. А. К вопросу о «крепостных церковных феодалов» в дореволюционной Монголии. *Восток*. 2018а. № 1. С. 23–30 [Kuzmin S. L. On the problem of the «serfs of clerical lords» in pre-revolutionary Mongolia. *Oriens*. 2018а. No. 1. Pp. 23–30 (in Russian)].
- Кузьмин С. А. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX в. *Религия и общество на Востоке*. 2018б. № 2. С. 188–245 [Kuzmin S. Mechanisms of elimination of monarchies in the states of Inner Asia in the first half of the 20th Century. *Religiya i Obshchestvo na Vostoke*. 2018b. No. 2. Pp. 188–245, 331–332 (in Russian)].
- Кузьмин С. А. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток*. 2019. № 1. С. 39–54 [Kuzmin S. L. The Problem of vassalage in the West and the East: relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Oriens*. 2019. No. 1. Pp. 39–54 (in Russian)].
- Кузьмин С. А., Оюунчимэг Ж. 1932 оны Монгол дахь ардын бослого. Улаанбаатар, 2023 [Kuzmin S. L., Oyunchimeg J. *The people's rebellion of 1932 in Mongolia*. Ulaanbaatar, 2023 (in Mongolian)].
- Майский И. М. *Современная Монголия*. Иркутск, 1921 [Maiskii I. M. *Modern Mongolia*. Irkutsk, 1921 (in Russian)].
- Майский И. М. *Монголия накануне революции*. М., 1959 [Maiskii I. M. *Mongolia before revolution*. Moscow, 1959 (in Russian)].
- Монгольское законодательство. Вып. 1. Основной закон и приложения*. Улан-Батор-хото, 1928 [Mongolian legislation. Pt. 1. Main law and addenda. Ulan-Bator-khoto, 1928 (in Russian)].
- МУУГА — Монгол Улсын Үндэсний төв архив, МАН-ын баримтын төв, Улаанбаатар [Mongolian state national archive, Center of the MPP documents, Ulaanbaatar].
- Нарандалай П. Улс төрийн хилс хэрэгт хэлмэгдэгсдийг цагаатгах ажлын явц байдал. *Улс төрийн хэлмэгдүүлэлт: шалтгаан, үр дагавар, сургамж*. Улаанбаатар, 2017. С. 20–24 [Narandalai P. Status of the work on rehabilitation of victims of political repressions. *Uls turin khelmegduulelt: shaltgan, ur dagavar, surgamj*. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 20–24 (in Mongolian)].
- Новая Монголия. Экономико-политическое и культурное состояние страны. Протоколы 1-го Великого хуралдана МНР*. Улан-Батор-хото, 1925 [New Mongolia. Economic, political and cultural status of the state. Protocols of the 1st Great Khuraldan of the MPR. Ulan-Bator-khoto, 1925 (in Russian)].
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва [Russian state archive of social and political history, Moscow].

Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. М., 1960 [Revolutionary measures of the people's government of Mongolia in 1921–1924. Documents. Moscow, 1960 (in Russian)].

Рощин С. К. *Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)*. М., 1999 [Roshchin S. K. *Political history of Mongolia (1921–1940)*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Сухбаатар Д. *Дондогдулам — «Мать-Дакини» Монгольского государства*. 2011. — <http://savetibet.ru/2011/07/10/mother-dakini-of-mongolia.html> (дата обращения: 18.04.2023) [Sukhbaatar D. *Dondogdulam, the Dakini Mother of the Mongolian state*. 2011. <http://savetibet.ru/2011/07/10/mother-dakini-of-mongolia.html>].

Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон. Боть 11 (ред. Ринчин М.). Улаанбаатар, 2008 [Timeline of the state repressions. V. 11. Ulaanbaatar, 2008 (in Mongolian)].

Өлзийбаатар Д. *Яагаад 1937 он?* Улаанбаатар, 2004 [Ulziibaatar D. *Why the year 1937?* Ulaanbaatar, 2004 (in Mongolian)].

Kaplonski Ch. *The Lama Question. Violence, sovereignty, and exception in early socialist Mongolia*. Honolulu, 2014.

Larson F. A. *Larson duke of Mongolia*. Boston, 1930.

Lattimore O., Isono F. *The Diluv Khutagt: Memoirs and autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in religion and revolution*. Wiesbaden, 1982.